

СУЛЫ НЕБЕСНЫЕ

Семен Грила

Силы небесные

*«У кого есть чутье,
тот подчиняет себе случайность».*
Ремарк

Причина

Причина – всегда причина, чаще выдуманная, реже – естественно присущая текущему состоянию субъекта. Вот примерно так Смирнов начал свою эпохальную, как ему казалось, работу о сущности причин.

Как он стал писателем прописных истин, он не знал. Вернее, как становятся кем-либо? Случай.

Смирнов закончил философский факультет и долго маялся без дела, то есть работал в редакции отраслевого журнала Рыболовного союза Дальнего Востока. Отличный офис в центре Москвы. Отличные зарплаты. Шикарный гляцевый журнал. Тираж маленький, страниц много. Рай на земле.

По мере укрепления своих познаний о роли промысла в экономике предложения Смирнов стал осознавать некую пустоту внутри себя, создаваемую никчемностью собственной жизни. Точнее, ее внешней формальной красотой и внутренней убогостью. Убогостью, рождаемой несоответствием интеллектуального уровня самого Смирнова с его текущей окружающей средой.

Надо было что-то делать, и он начал вспоминать некие мысли своей студенческой поры, пытался писать и даже рассылать написанное по друзьям и редакциям. В общем, стал вести двойную жизнь. Днем – успешного сотрудника, а ночью – непризнанного автора философских статей.

Муза

– Вот говорят: муза, муза, – разглагольствовал Смирнов как-то в баре со своими приятелями, собравшимися по случаю назначения одного из них куда-то высоко и далеко. Торговым представителем. В Африку. – Ну так вот, скажу я вам, – говорил Смирнов, – муза – это не блядь по вызову, это эфир, вдыхаемый, если дождешься и окажешься там, где надо. А вдохнув этот эфир, дальше все само пойдет.

– Ну и что – ты вдыхал? – перебили его.

– Да, – сказал Смирнов. – Кажется. Но я не уверен.

– Вот видишь, – добавил перебивший, – концепция не точная.

– Да точная, – ответил Смирнов. – Надо ждать.

– Ну жди тогда, – все засмеялись.

– Дураки вы бестолковые, – сказал Смирнов.

– Да, – сознались дураки. – И нас это не пугает.

– Ну и зачем это все? – спросил Смирнов.

– Что?

– Зачем вы живете?

– Да ты, я вижу, не только не вдыхал, но и не курил, – сказал будущий представитель. – Кто же задается такими вопросами ни с того ни с сего.

– А когда надо?

– Да никогда. Бессмысленные вопросы. Живи – и всё. Будь счастлив, как ты это понимаешь. Не изводи себя философией.

– Я так не могу, – сказал Смирнов. – Я не могу без смысла.

– Придумай тогда.

– А вера?

– Всё, давайте выпьем, он меня утомил, – сказал еще кто-то слушавший вполуха.

Все выпили. И Смирнов тоже.

СМЫСЛ

Женщины в жизни Смирнова играли особую роль. Он их ненавидел. Нет, не так. Он считал, что они сбивают с пути. Забирают время и силы. Бессмысленностью покрывают настоящее и прошлое.

Его нелюбовь к ним основывалась на отсутствии любви. Когда он любил, тогда градус ненависти снижался. Нет, опять не так. Он забывал про свои отрицательные чувства. Отвлекался. Обманывался. С удовольствием. Потом все разгоралось с новой силой.

Но это не было все-таки ненавистью. Ненависть – сильное чувство, а Смирнов констатировал свое отношение почти без эмоций. Он много раз пытался сформулировать, как же называется его чувство, но пока не смог. Это было – как соглашаться с тем, с чем не согласен.

Есть такое у англичан. Вот, наверное, так Смирнов думал и чувствовал.

Всё это, впрочем, не мешало ему вести местами активную половую жизнь. И получать от этого удовольствие. Однажды он сказал кому-то, что у него похмелье от женщин как от водки. И так же – чем больше доза, тем страшнее абстиненция.

Диссертация

Однажды – вот всегда это однажды, а потом не угонишься объяснять – позвонил преподаватель с факультета. Спросил, думает ли заглянуть в ближайшее время. Смирнов ответил, что собирался в конце недели. Отлично, сказал препод, найди меня. Есть дело.

Смирнов не собирался, конечно же, в конце недели, да и вообще не собирался. Но теперь делать было нечего.

– Привет. Спасибо, что нашел время, – сказал преподаватель.

– Привет. Ну как я мог иначе, – ответил Смирнов.

– Вот какое дело: меня попросили помочь с диссертацией одному нашему соискателю. А у меня совершенно нет времени. Не возьмешься?

– Я?

– А почему нет? Ты пишешь, как я помню. Диссертация с темой, не требующей большой глубины.

– Ну, я не знаю.

– Берись, это точно лучше, чем статьи по журналам рассылать и друзей бомбить.

– Откуда вы знаете?

– Мир маленький теперь, ты знаешь.

– Ну да.

- Так как?
- Я подумаю.
- Я пришлю текст. Ну, то, что есть, и все прочее.
- Ладно, – Смирнов не преодолел еще эффекта неожиданности предложения.
- Я рад, что ты возвращаешься в профессию, – сказал преподаватель.
- Спасибо, профессор, – произнес Смирнов и пошел прочь.

Жесть

Тема диссертации – «Стратегия создания повестки деятельности органов власти как культурологического обрамления границ общественного сознания».

Смирнов перечитал. Уже несколько раз перечитал, но мозг отказывался это вдуплять. Смирнов не знал, откуда взялось и что значило это слово «вдуплять», но ему казалось, что оно максимально четко отражало его состояние.

Смирнов сидел за компьютером и просматривал файл, присланный профессором. Ну и что я буду с этим делать? – сам себя спросил Смирнов. Нет, конечно, можно веселиться, рассматривая различные аспекты философского осмысления коллективного бессознательного, но где границы допустимого? Кто их определит?

– Я посмотрел, – позвонил он профессору.

– И как?

– Я в шоке. Что это вообще?

– Ты так-то не впадай. Пиши по теме, как ты ее понимаешь. Потом шлифанем. Было бы чего. Сделай объем. Лучше полтора. Из этого сделаем приемлемое.

– Ладно, я попробую, но там сами смотрите.

– Не ссы, – сказал профессор, – всё будет хорошо.

Вот такой был разговор с преподавателем. Непринужденный. Такие они, преподаватели, думал Смирнов, отключив абонента.

Текст

Смирнов написал. Месяц работы. Каждый день по десять часов. Для этого он взял отпуск у своих рыбаков. Они дали. Даже не спрашивая, зачем ему отпуск за свой счет. Но он все равно сказал, что собирается восстановить интеллектуальный уровень. Они не знали, что он имеет в виду, и на всякий случай промолчали.

Да, его старший товарищ, преподаватель, предупредил, чтобы он не вздумал использовать ИИ. Это легко проверяется. Поэтому Смирнов сидел дома в тисках своей лени.

Сначала просто сидел. Потом читал. Потом вроде как-то разошелся и кое-что кое-как написал.

Профессор посоветовал подойти к теме свободно и направить работу в ту сторону, которая кажется удобнее для него. И он как-то само собой взялся за анализ предыдущих попыток осуществлять подобное. Он отмел шумеров. Вавилон был слишком шумным. Греки, римляне, египтяне – все идеологи прошлого пытались делать это. Сращивать текущую неприхотливую жизнь паствы и блеск управляющих компаний.

Идеальной ему казалась деятельность римских цезарей, некоторых пап, графа Уварова. Они по-своему умели неподражаемо ткать культуру из ничего. Не говоря уже, конечно, о Медичи. Впрочем, это же вне канона. Выводы предстояло сделать иначе. Показать оригинальность и свежесть мыслей диссертанта и научную ценность труда.

И Смирнов выводы сделал. Чем четче регламентируется жизнь общества, тем точнее совпадают контуры его запросов с повесткой, генерируемой аппаратом управления.

Другими словами, научная новизна состояла в доказывании суждения о том, что культура есть душа народа, которая (душа) требует постоянного окормления со стороны управляющих общественными процессами, то есть носителями культурного кода и его хранителями. Савонарола и Медичи вместе есть идеал воплощения концепции, доказываемой в диссертации.

Он отослал окончательную версию профессору. А сам отправился на работу. Нет, не сразу, конечно, а через неделю. Никак не мог отойти.

Преподаватель

Самое интересное, что ни через неделю, ни через две Смирнов не получил никаких известий по поводу им написанного. Профессор как в воду канул. Впрочем, Смирнов и не хотел вспоминать. Ему казалось, что он лазил по помойкам и никак не мог отмыться после такого похода.

Он теперь смотрел на свою работу у рыбопромышленников как на совершенно замечательную и не желал ничего лучше. Но так ведь не бывает.

Преподаватель нашелся. И самым неожиданным образом. Он в один из рабочих дней объявился у Смирнова в офисе. Смирнов в этот день задержался, не сразу добрался до работы. Но тем не менее профессор сидел и ждал.

– Что случилось? – спросил Смирнов

– Да вот, – сказал преподаватель. – Мы можем поговорить где-нибудь не здесь?

– Пошли вниз, – предложил Смирнов. – А что случилось-то?

Они сидели в кафе на первом этаже офисного здания. Вид был неплохой. Лето. Беззаботный народ шел рекой.

– Ты написал слишком хорошо, – сказал преподаватель.

– Ну, ухудшить всегда можно, – сказал Смирнов. – Да что случилось-то?

– Вот это и случилось. Я, не читая, отправил рецензентам. А те... Такое началось. В узком кругу, разумеется. Но тем не менее.

– Так что случилось-то? – упрямо повторил Смирнов.

– Они хотят создать под тебя структуру и требуют, чтобы я уговорил тебя пойти к ним на работу.

– Куда это к ним? – спросил Смирнов, внутренне обмирая.

– Ну, в аппарат, я не очень в структуре разбираюсь.

– Но вы же сказали, что я не пойду?

– Сказал.

– И?

– Они не поверили, я поэтому долго и не отвечал. С духом собирался. Но они опять меня дернули. И вот я здесь.

– Скажите, что не нашли меня, – сказал Смирнов.

– Хорошо, я скажу, но поверь: это не поможет.

– Но вы скажите, а там посмотрим.

Рыбаки

Еще через месяц Смирнова вызвали. Он сидел в приемной председателя Союза рыбаков. Через полчаса его пригласили.

Он вошел.

– Ну что же вы, товарищ Смирнов! Подводите нас.

- Каким образом? – спросил он в ответ.
- Садитесь, прошу, – сказал хозяин, указывая на кресла перед столом. – Не хотите сотрудничать с государством, а это ведь наше всё.
- Я с вами сотрудничаю, мне достаточно.
- Так не пойдет, товарищ Смирнов. Мы, дальневосточники, привыкли во всем помогать родине. И вы должны. А мы вас будем поддерживать и создавать условия.
- Мне надо подумать, – сказал Смирнов.
- Нет времени.
- Тогда сразу нет.
- Хорошо, идите и подумайте, даю вам час, потом возвращаетесь с положительным ответом.
- Спасибо, – сказал Смирнов.

Через час

Смирнов ехал на встречу со своим новым работодателем. У него не было шансов против рыбаков, учуявших выгоду, которую они могли извлечь из ничего. Всем все было впору. Только оставалось узнать, как отнесутся ко всему этому силы небесные. Последняя надежда.

Смирнов верил во что-то, чего сам не знал. Даже нет, не верил, а чувствовал. Он чувствовал случайность всего происходящего.

Но ведь это лучше работы в журнале? Интереснее? Так в чем же дело? Что со мной не так?

Я что-то чувствую. Какие-то фантомные боли. Чего я никогда не испытывал, придумал все. Как с моей философией. Хочу быть. Хочу быть. Кем-то.

Он позвонил преподавателю.

– Расслабьтесь, я согласился.

– Слава богу, – обрадовался тот.

– Ну типа того, – сказал Смирнов и повесил трубку.

Я повесил трубку, и все, и мир не перевернулся, не изменился, я повесил трубку, тра-та-та, – говорил про себя Смирнов.

Смирнов успокоился. Самомнение. Бич информационного общества, и всего-то.